

Шли дожди несколько дней подряд. Как только небо прояснилось, Му Ю принялся убирать двор. Сюй Яньцин вытащил во двор все свои деревянные доски и чертежи, прихватив с собой Инь Яньцзюня, чтобы скоротать время вместе.

Сюй Яньцин уже собрал несколько шестерёнок для механических часов, но оставалось ещё множество мелких, более сложных деталей, которые выглядели весьма запутанно.

Ци Чэнь подошёл посмотреть и тут же оказался втянут в процесс: Сюй Яньцин сунул ему в руки наждачную бумагу и велел зачищать детали.

Ци Чэнь: Вот нечего было глазеть. Сам себе зла захотел. Теперь жалеет, да поздно!

Тем временем Инь Яньцзюнь успел прикрепить все чертежи мелких деталей к деревянным доскам. В отличие от хмурого и занятого Ци Чэня, он был гораздо более расслаблен. Специально сходил на кухню за горячей водой, заварил чайник чая и поставил его в угол стола.

Юному господину пока нельзя было пить обычный чай, поэтому он специально попросил у Му Ю персикового варенья и заварил для него тёплый фруктовый настой.

Настоящий заботливый человек, этот даос Сюаньчэнь, — не удержался от цоканья языком Ци Чэнь. А потом, глянув на грудку мелких деталей перед собой, молча вздохнул: Эх, когда же и мне такая заботливая жена достанется, как даос Сюаньчэнь?..

Но при этом Ци Чэнь заметил в их отношениях нечто особенное. Он даже специально понаблюдал за своими отцом и матерью, а потом, рискуя быть поддразнённым, выведал кое-что у тётушки Ли. Так он и понял — хоть юный господин и даос Сюаньчэнь порой ладили как нельзя лучше, временами между ними ощущалась некоторая вежливая отстранённость.

Будто бы их насильно связал вместе ребёнок в утробе — и как только младенец появится на свет, их пути тут же разойдутся. Ци Чэнь чувствовал лёгкую досаду: совершенно не мог взять в толк, что же у этих двоих на уме.

Но с тех пор как прибыл даос Сюаньчэнь, лицо юного господина день ото дня становилось всё свежее, румянец всё ярче. Ци Чэнь подумал, что не мешало бы заранее как следует изучить всё, что касается ухода за беременными на поздних сроках — а то вдруг с господином что-то случится, он растеряется, и старого лекаря Ци опозорит на весь свет.

Сюй Яньцин закончил с деталями, над которыми работал. Увидев отсутствующий взгляд Ци Чэня, он не удержался и громко хлопнул в ладоши прямо у того над ухом.

Оглушительный хлопок выдернул Ци Чэня из водоворота мыслей. Он вздрогнул и чуть было не опрокинулся назад.

— Юный господин, вы что, не знаете, что так людей можно до смерти напугать?! — смущённо воскликнул он, тут же схватив Сюй Яньцина и начав выговаривать ему.

Сюй Яньцин взял чашку и налил Ци Чэню воды:

— Ладно, ладно, прошу прощения у молодого лекаря Ци. Но, может, молодой лекарь объяснит, почему он так долго полировал всего две маленькие детальки?

— Кхм-кхм, — Ци Чэнь откашлялся и, улыбнувшись, принял чашку, дважды прокашлялся,

прежде чем собраться: — Это называется: «тише едешь — дальше будешь», юный господин, вы в курсе?

— Нет, совершенно не в курсе, — честно ответил Сюй Яньцин. Он бы понял такую логику, если бы валял дурака, но сейчас был полон энтузиазма и не понимал ничего.

Он сложил все детали в деревянную коробку, после чего устроился поудобнее в шезлонге, неторопливо полируя детали — всё равно это было лишь способом скоротать время.

Коробку он положил себе на живот. Она была лёгкой, как и детали внутри, так что на маленькую фасолинку в животе ничто не давило.

В последнее время фасолинка вела себя заметно активнее — словно чуть подросшая рыбка, она плавала с одной стороны живота Сюй Яньцина на другую, туда-сюда, весьма бойко.

Поэтому коробка на животе то и дело раскачивалась, теряя устойчивость. Сюй Яньцин презрительно фыркнул: И это — дети? Нет, совершенно не мило.

Инь Яньцзюнь, хоть и читал, время от времени бросал взгляд на юного господина. Увидев происходящее, он едва заметно улыбнулся. Подвинул табуретку к шезлонгу, медленно снял коробку с живота Сюй Яньцина и поставил её рядом.

В коробке ещё оставалось множество неотшлифованных деталей, поэтому Инь Яньцзюнь мягко спросил:

— Нужна помощь?

— Угу, — охотно передал Сюй Яньцин полированную наполовину деталь даосу Сюаньчэню. Солёная рыба, если может полениться, никогда не станет стесняться. К тому же, запястье уже ныло. Тело в этой жизни было слишком хрупким, не то что раньше. Но ему было всё равно. Вялый солёный карась не питал ни малейшего желания становиться сильнее. Щурясь на безоблачное небо, ленивый юный господин медленно закрыл глаза.

Инь Яньцзюнь неспешно шлифовал деталь в руке, иногда бросая взгляд на живот юного господина. По сравнению с прошлым разом, движения плода явно стали ощутимее.

Ци Чэнь молча наблюдал за ними. Заметив смутную перемену в выражении лица даоса Сюаньчэня, он вдруг вполголоса сказал:

— Юный господин уснул. Даос Сюаньчэнь, можете потрогать его живот. Вдруг малыш станет двигаться активнее — всё-таки он тоже тоскует по другому отцу.

Инь Яньцзюнь на это не отреагировал. Даже не взглянув на Ци Чэня, он просто продолжил полировать деталь в руках.

Ци Чэнь, поняв, что уговорить даоса не удастся, моментально заскучал и поспешно улизнул. Решил, что лучше потратит время на чтение медицинских трактатов и пополнит знания.

Когда он ушёл, Инь Яньцзюнь снова посмотрел на живот юного господина — в его взгляде читались сложные чувства и ожидание. Но он не забыл и поручение, которое тот ему дал.

— Даос Сюаньчэнь смотрит уже так долго — вы и правда не собираетесь потрогать своего сына? — медленно открыл глаза Сюй Яньцин. В его взгляде плясали насмешливые искорки.

Очевидно, спать он и не думал.

Инь Яньцзюнь поднял голову, встретившись с ним взглядом. Обычно сдержанное, спокойное лицо вдруг отразило неуверенность и лёгкое смущение. Следом Сюй Яньцин, как и в прошлый раз, просто взял его за руку и положил себе на живот.

В такой близости Инь Яньцзюнь ясно ощутил тепло тела юного господина. Фасолинка не подвела — тут же зашевелилась под его ладонью.

На этот раз движения действительно были сильнее. Инь Яньцзюнь поднял взгляд:

— Он туда-сюда в животе крутится. Тебе не больно?

— М-м... — Сюй Яньцин немного подумал. — Не особо, в общем-то. — В конце концов, солёная рыба весь день только и делает, что ест да спит. Жизнь такая вроде бы унылая, вялая, но сам он вполне доволен.

Инь Яньцзюнь отвёл взгляд, убрал руку с живота и снова принялся неспешно шлифовать деталь. На лице его появилось выражение, которое солёная рыба расшифровать не смог.

Сюй Яньцин не удержался от тихого смешка. Повернулся боком, лениво улыбаясь, и, глядя на холодного и сдержанного даоса Сюаньчэнь, протянул палец и дёрнул того за рукав:

— Бросьте вы эти железки, даос Сюаньчэнь, почитайте мне вслух.

Всё-таки книги, которые читал даос, имели одно неоспоримое достоинство — они усыпляли.

Инь Яньцзюнь повернулся обратно и тихо посмотрел на юного господина. Его ресницы едва заметно дрожали. После долгой паузы он опустил деревянную коробку, медленно поднялся и взял со стола книгу.

В последнее время он читал сутру — текст был сложный, местами труднопонижаемый, потому читал он медленнее обычного. Он никак не ожидал, что юный господин попросит его об этом.

Луч солнца скользнул по лицу Инь Яньцзюня, делая его черты ещё яснее и чище, словно изящный нефрит. Сюй Яньцин взглянул на него и тут же закрыл глаза.

Инь Яньцзюнь развернул свиток и начал читать, медленно, слово за словом. В его голосе от природы звучала тёплая, ясная интонация. Сюй Яньцин, не открывая глаз, поднял руку и потёр ухо.

Зачем он вообще попросил даоса читать ему вслух? В голове у солёной рыбы с закрытыми глазами всплыли образы пар, которых он встречал в прежней жизни, и крик матери, полный боли. Возможно, он тоже когда-то этого хотел. Люди — странные существа.

По двору пронёсся лёгкий ветерок, в нём чувствовалось тепло раннего лета. Кроме спокойного, прохладного голоса Инь Яньцзюня, не было слышно ни звука.

Юный господин, который всего-то хотел немного отдохнуть с закрытыми глазами, довольно быстро уснул в шезлонге. Инь Яньцзюнь закрыл сутру, мягко и спокойно глядя на спящего. Он коснулся его лба и бережно разгладил чуть нахмуренные брови.

Сюй Яньцин спал недолго. Когда он проснулся, солнце всё ещё ярко светило. Он сел и огляделся. В углу двора был установлен письменный стол, заваленный докладами. У ног Инь

Яньцзюня, который сидел за ним, на коленях стоял Вэнь Цзин и молот тушь. Когда даос Сюаньчэнь просматривал доклады, выражение его лица становилось серьёзным — таким Сюй Яньцин его ещё не видел. Оно несомненно выражало некую императорскую строгость.

Сюй Яньцин моргнул, слегка задумавшись, и тут возле уха раздался мягкий голос Инь Яньцзюня:

— Выпей воды.

Сюй Яньцин протянул руку, взял чашку и сделал глоток. Это была простая кипячёная вода, идеально подходящей температуры. Выпив, он спокойно передал чашку обратно, и Инь Яньцзюнь так же естественно её принял.

Ухоженная и обласканная солёная рыба блаженно вздохнула. Сейчас он был так окружён заботой, что почти не шевелился. Он даже начал опасаться, что, когда родится ребёнок, отвыкнет от самостоятельности.

Но солёная рыба не привык думать наперёд. Если ему удобно и спокойно здесь и сейчас, этого было вполне достаточно.

Вэнь Цзин, главный евнух и преданный слуга Его Величества, поначалу чувствовал неловкость, видя, как император так заботится о юном господине Сюе. Но теперь он полностью смирился с этим. Какая разница? Лишь бы Его Величество был счастлив.

На следующий день Сюй Яньцин проснулся рано. Последняя волна приливов наконец прошла, и он стал спать крепко. А главное — больше не было тех странных весенних снов.

Сюй Яньцин был этим очень доволен, особенно потому, что только теперь понял: у него, оказывается, может быть склонность к лунатизму. А вдруг однажды, в разгар весеннего сна, он забредёт к даосу Сюаньчэню и... принудит его к тому-самому? Это же было бы просто ужасно.

Он распахнул дверь, с растрёпанными волосами потянулся всем телом. Му Ю, стоявший у двери на страже, тут же бросился к нему и осторожно опустил ему руки:

— Юный господин, помедленнее, осторожно, не потяните спину.

Солёная рыба не собирался спорить и послушно опустил руки. Му Ю с облегчением проводил его обратно в комнату, усадил в кресло, аккуратно причёсал его чёрные волосы и повязал ленту.

— Ах да, — вдруг вспомнил он, — а что стало с той деревянной шпилькой, которой вы так часто пользовались?

Солёная рыба: ...

Эта шпилька давно уже была спрятана Сюй Яньцином. Вместе с ней он убрал и пепельно-серый плащ.

Теперь, когда настоящий владелец шпильки жил во дворе, даже самому беззаботному и ленивому солёному карасю не хватило бы наглости использовать чужую вещь, тайком унесённую из постели.

Поэтому, глядя на удивительно любопытного сегодня Му Ю, Сюй Яньцин молча сменил тему:

— Ты сегодня собираешься в город?

Му Ю время от времени ездил в город, чтобы отправить письма и закупить нужные для юного господина вещи.

И действительно, услышав вопрос, он тут же переключился, похлопал немного сбившуюся одежду юного господина и кивнул:

— Да, пора снова отправить письма маркизу и госпоже.

— Вот и хорошо, — с довольным видом кивнул Сюй Яньцин. — Тогда поешь и езжай. Пораньше выезжай и пораньше возвращайся. Будь осторожен в дороге.

Получив указания юного господина, Му Ю был на седьмом небе от счастья — его лицо сияло широкой, немного глуповатой улыбкой.

После раннего завтрака он собрал вещи и отправился к дому дяди Хуцзы, чтобы с ним вместе поехать в город на повозке, запряжённой волом. Ци Чэнь тоже с радостью увязался — ему нужно было закупить недостающие лекарственные травы.

Даос Сюаньчэнь ушёл на утренние занятия, а скучающая солёная рыба сникла и уныло развалилась в шезлонге. Под ярким утренним солнцем глаза сами собой начинали слипаться.

Небо было чистым и голубым, словно только что вымытое. Сюй Яньцин поднял голову — в его ясных глазах отражались мягкие белые облака, тянувшиеся вдаль. Он облизнул губы — вдруг ужасно захотелось сахарной ваты. Хотя это просто закрученный сахар и особым вкусом не отличается... но... эх, солёной рыбе всё равно до слёз захотелось сахарной ваты.

С этими мыслями он поднялся с шезлонга, весь наполненный нежной и сладкой мечтой о вате. Но, кажется, в древности такого ещё не изобрели... Солёная рыба вдруг ощутила себя глубоко обделённой.

— Ты плохо себя чувствуешь? — Инь Яньцзюнь как раз вошёл во двор и увидел, как юный господин сидит в шезлонге и задумчиво смотрит в одну точку. Это было не совсем обычно, поэтому он подошёл поближе и тихо спросил.

Юный господин обычно скорее ляжет, чем станет сидеть, да и лицо у него сейчас было жалобное и расстроенное.

Солёная рыба уставилась на облака, моргнула и сказала:

— Даос Сюаньчэнь, вы когда-нибудь ели сахарную вату?

Сахарная... вата? Простите даоса, чья еда всю жизнь была постной, а сладости появлялись крайне редко — он действительно никогда не слышал о такой вещи.

Инь Яньцзюнь честно покачал головой:

— Юный господин хочет сладкого?

Солёная рыба даже думать устала о несуществующем, поэтому снова бессильно развалилась в шезлонге. Через мгновение слабо пробормотала:

— Я хочу сахарную вату...

Инь Яньцзюнь с лёгкой тревогой протянул руку и проверил пульс на запястье юного господина. Видя, что тот всё ещё сидит с таким обиженным видом, заговорил особенно мягко:

— Юный господин, можете описать, как выглядит сахарная вата? Я прикажу Вэнь Цзину найти её для вас.

Сюй Яньцин изо всех сил натянул на лицо улыбку, вовсе не собираясь осложнять жизнь управляющему Вэню. Он лишь продолжал глядеть на облака, мечтая подняться в небо, сорвать одно и попробовать на вкус.

Вдруг он будто вспомнил что-то. Резко сел в шезлонге, и на губах его появилась уже настоящая, озорная улыбка. Он потянул Инь Яньцзюня за руку:

— Даос Сюаньчэнь, вы ведь ни разу не пробовали сахарную вату, да? Тогда сегодня я вас угощу!

Исчезла вся прежняя тоска, юный господин будто заново ожил. Инь Яньцзюнь снисходительно позволил ему усадить себя за стол. Он наблюдал, как обычно вялый юный господин вбежал в дом — и почти сразу выскочил обратно.

В руках у него были деревянные и железные детали, проволока и некий шаблон. Он ловко собрал деревянные части в ящичек без крышки, просверлил по бокам несколько отверстий.

Из железных пластинок он сделал маленькую жестяную банку, тоже без крышки. Солёная рыба постучал по ней пару раз молоточком, быстро устал и без лишних слов протянул инструмент Инь Яньцзюню:

— Даос Сюаньчэнь, помогите...

Руки у солёной рыбы были белые и мягкие — разве с них возьмёшь хоть каплю силы?

Инь Яньцзюнь взглянул на него — под этим сияющим, умоляющим взглядом он взял молоток и по инструкции начал придавать металлической банке нужную форму.

Так чистый, строгий даос Сюаньчэнь вдруг стал кузнецом — по приказу юного господина.

После того как в железной банке просверлили множество мелких отверстий, Сюй Яньцин достал деревянную палочку и железное кольцо. Примерил — с облегчением вздохнул: всё подошло идеально.

Собрав все детали воедино, он с гордостью поставил деревянную конструкцию перед Инь Яньцзюнем:

— Даос Сюаньчэнь, потяните за верёвочку, намотанную на ту палочку.

Под сияющим взглядом юного господина Инь Яньцзюнь, согласно инструкции, взялся за одну из верёвок и потянул. Железная баночка тут же начала быстро вращаться.

— Ух ты, сработало! — с чувством воскликнул Сюй Яньцин. И впрямь, любовь к вкусной еде — великая сила. Даже солёную рыбу она могла поднять с места.

— Разве ты не хотел есть сладости? — мягко сказал Инь Яньцзюнь, протянул руку и смахнул с лица юного господина опилки. Его взгляд скользнул к деревянной коробке, чьё назначение он понять так и не смог. Может, между ним и юным господином слишком большая разница в

возрасте? Поэтому он постоянно чувствует себя в растерянности перед всеми этими странными идеями...

Тёплая ладонь даоса Сюаньчэня скользнула по щеке юного господина — Сюй Яньцин тут же почувствовал, как щёки запылали. Он резко встал, кашлянул и, под взглядом Инь Яньцзюня, пробормотал:

— Я... я пойду на кухню, кое-что возьму.

С этими словами он стремительно ускользнул на кухню и тут же похлопал себя по покрасневшимся щекам. Немного остудившись, он собрал сахар, свечу и железную ложку, подождал, пока лицо остынет окончательно, и только тогда вернулся во двор.

Он зажёл свечу, высыпал сахар в железную ложку и стал тихонько ждать, пока тот расплавится. Постепенно воздух наполнился карамельным ароматом. Сюй Яньцин осторожно влил получившийся сироп в маленькую жестяную баночку, закреплённую в деревянной конструкции, затем поднял голову и с ожиданием в голосе позвал:

— Даос Сюаньчэнь, даос Сюаньчэнь, тяните за верёвочку, скорее!

На строгом лице Инь Яньцзюня появилась лёгкая, почти незаметная улыбка — он потянул за верёвку, как просил юный господин. Баночка закрутилась, и карамельный сироп начал выходить через маленькие отверстия по краям, превращаясь в тонкие нити светло-карамельного цвета, которые оседали на заранее подготовленной деревянной коробке.

Сюй Яньцин с жадным блеском в глазах уставился на эту сахарную вуаль. Но такого количества было явно мало, до сахарной ваты это не дотягивало, поэтому он продолжил плавить сахар и снова велел даосу тянуть за верёвку.

Пока можно было заварить чай, деревянная коробка наполнилась тонкими нитями карамельного цвета. Сюй Яньцин с удовлетворением задул свечу и, взяв палочки, аккуратно снял мягкие сахарные нити.

Конечно, до настоящей сахарной ваты из прошлой жизни, сделанной с помощью машинок, в виде розочек, зверушек и всего прочего, это творение не дотягивало. Но Сюй Яньцин всё равно остался доволен — он откусил кусочек. В древности сахар не смешивали с разной ерундой, так что, хотя вата выглядела неказисто, вкус у неё был превосходный.

Он протянул это кривенькое, но душевное лакомство Инь Яньцзюню, улыбаясь:

— Даос Сюаньчэнь, попробуйте. Вкусно, правда!

Увидев сияющее лицо юного господина, Инь Яньцзюнь не удержался — в его глазах появилась мягкая улыбка. Он подражательно отщипнул кусочек сахарной ваты и отправил в рот. Сахар тут же растаял, оставив лёгкое карамельное послевкусие. Это было не изысканное лакомство, но впечатления у него остались самые свежие и живые.

— Ну как? — Сюй Яньцин подался ближе, с интересом заглядывая ему в лицо. Он, конечно, знал, что это вовсе не какое-то редкое яство, но они сделали его вместе, и теперь ему особенно хотелось услышать мнение даоса.

Инь Яньцзюнь неспешно отщипнул ещё кусочек, положил в рот, кивнул:

— Вкусно. Только я не совсем понимаю — почему ты называешь это «сахарной ватой», хотя она коричневая?

Сюй Яньцин моргнул, посмотрел на вату в руке, и чем дольше смотрел, тем страшнее она ему казалась. Потом решительно откусил большой кусок:

— М-м... наверное, потому что сахарные нити мягкие и похожи на облака!

Инь Яньцзюнь опустил взгляд, посмотрел, как юный господин ест, и мягко кивнул:

— Тогда действительно похоже.

Сытый и довольный Сюй Яньцин засверкал ещё ярче — точно приласканный котёнок.

Он с жадностью съел почти всю вату всего за пару укусов — словно ненасытная морская свинка.

Инь Яньцзюнь налил ему чашку тёплой воды. Солёная рыба всё залпом выпил, мгновенно почувствовал себя счастливым и снова стал ленивым.

Отодвинув самодельные приспособления для ваты, солёная рыба с тяжёлым вздохом свалился прямо на стол — настолько ленив, что даже не стал идти обратно к шезлонгу.

Ах да, вот она, настоящая натура солёной рыбы: как только утолил голод — всё, можно больше ничего не делать. Праздная жизнь делает людей расслабленными до предела.

Сегодняшняя лента для волос, которую Му Ю использовал, оказалась немного длинной — она мягко обвивала талию Сюй Яньцина. Когда он зашевелился, узел развязался, и чёрные волосы тотчас рассыпались по плечам.

Сюй Яньцин продолжал лежать на столе, не желая даже пошевелиться. Распустились волосы? Ну и пусть. Солёной рыбе необязательно выглядеть идеально — в растрёпанности тоже есть свой шарм.

Инь Яньцзюнь поднял с пола ленту, посмотрел на расслабленную спину и плечи юного господина, потом тихо провёл рукой по его чёрным гладким волосам.

Солёная рыба не только не сопротивлялся, но даже замер с лёгким наслаждением — прикосновение к коже головы было неожиданно приятным, и он позволил Инь Яньцзюню расчёсывать волосы пальцами.

Белые, тонкие пальцы с изящными фалангами скользнули от макушки по спине до плеч. Инь Яньцзюнь мягко помассировал точки у основания шеи, затем собрал длинные волосы, не торопясь завязал их лентой и сделал красивый узел.

Красная лента аккуратно легла на плечо и спину юного господина, как яркое пятно цвета на спокойной картине.